

В.Б. Сапунов

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ, ФИНСКОЙ
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ**

V.B. Sapunov

**INTERRELATIONS OF THE RUSSIAN, FINNISH
AND WEST EUROPEAN NATURE
MANAGEMENT TRADITIONS:
A CASE STUDY OF THE KARELIAN ISTHMUS**

Всякая культура формируется в определенной природной среде, и особенности этой среды влияют на особенности культуры, в частности, на национальные традиции природопользования. На территории Карельского перешейка современной Ленинградской области наиболее четко присутствуют три разновидности культурных традиций природопользования: русская, финно-угорская и западноевропейская. Взаимоотношения между основными культурами на территории Карельского перешейка всегда носили мирный характер, что определялось экологическими особенностями культур – разными режимами природопользования. Эффективное развитие и совершенствование методов рационального природопользования, охраны природной среды и экологической безопасности могут иметь место только при учете исторических традиций взаимоотношения с природой всех наций, обитающих на рассмотренной территории.

Any culture is formed in a specific natural environment, and the features of this environment influence those of culture, in particular, on the national traditions of nature management. In the territory of the Karelian Isthmus in the present Leningrad Region, one can clearly delineate three types of cultural traditions in nature management: the Russian, Finno-Ugric and West European ones. The relations between the basic cultures across the territory of the Karelian Isthmus were always of peaceful nature, which was determined by the ecological features of the cultures, i.e., different regimes of natural management. Effective development and perfection of methods of rational nature management, environmental protection and environmental safety can only take place through taking into account historical traditions of the interrelations with nature specific to all nations living in the region under study.

Природные и историко-этнические границы перешейка

Карельский перешеек представляет собой наиболее интересную с экологической и этнической точек зрения часть современной Ленинградской области. Через перешеек проходит несколько границ, а именно: неизменная геологическая граница и многократно менявшиеся в прошлом границы между странами, народами и режимами природопользования. Геологическая граница, во многом определяющая природу перешейка, проходит южнее системы

реки Вуокса, разделяя Балтийский гранитный щит и Восточно-Европейскую равнину. Юг перешейка – низменные заболоченные леса. Север – сухие возвышенные места с выходами скальных пород, гранитов, с чистыми озерами.

Мы не знаем, когда здесь появилось самое древнее поселение. Достоверные сведения об обитании человека начинаются с IV тысячелетия до нашей эры. Первые поселенцы сформировали финно-угорский этнос с его традициями охоты, рыболовства, собирательства. В первых русских летописях IX – XI вв. есть упоминание о мирном сосуществовании русских земледельцев и карельских охотников в районах к северу от Невы. Карелы в то время не имели статуса национальности и государственности и развивали свои самобытные традиции в рамках молодого русского государства. В 1042 г. князь Владимир Ярославич установил границу русских владений по реке Кюменне, в 100 км западнее Выборгского залива. Со второй половины XII в. началось вторжение шведских феодалов в русские земли. 15 июля 1240 г. их отбросила к северу дружина храброго князя Александра Ярославича, прозванного Невским. Спустя 53 года шведы опять вторглись в этот регион, построили укрепленный замок – Выборг. В 1323 г. в новгородской крепости Орешек был подписан договор, согласно которому Карельский перешеек отходил к шведам. Граница прошла по рекам Сестре, Сае (ныне – Вьюн), Вуоксе. На перешейке стали внедряться чуждые истории этих мест западноевропейские традиции природопользования.

Определенная Ореховецким договором граница оказалась ненадежной. Шведские феодалы неоднократно вторгались в не принадлежавшие им районы, прерывая мирную жизнь и созидательную работу русских и карелов. В 1478 г. часть земель перешейка мирно вошла в состав Московского государства. Возникли Карельский и Ореховский уезды. Стали активнее развиваться свойственные русским традиции мирного земледелия. В 1580 г. шведы захватили всю восточную часть Карельского перешейка. В 1595 г. Борис Годунов по Тязвинскому мирному договору вернул владения России к северу от Невы. Однако после Смутного времени обессилевшая Россия вновь потеряла эти земли. По Столбовскому договору, заключенному на территории нынешнего Тихвинского района, шведы закрепились на перешейке, Неве, южном берегу Финского залива. В ходе Северной войны 1700 – 1721 гг. Россия под правлением Петра Великого закрепилась на невских берегах и Карельском перешейке. Ништадский мир подтвердил это законодательно. По указанию Петра перешеек стал заселяться русскими помещиками, мастерами, крестьянами. Наряду с традиционным способом русского земледелия – подсечным земледелием стали внедряться методы созданного Петром военно-промышленного комплекса, принесшие значительный ущерб природной среде.

Двойственный статус эти земли приобрели в 1811 г. Их включили в состав Великого княжества Финляндского, при этом они оставались частью Российской империи. Двойственность не мешала, впрочем, дружественному сосуществованию финского и русского населения, сочетанию свойственных этим народам режимов природопользования. В 1918 – 1939 гг. большая часть пере-

шейка входила в состав уже независимой Финляндии. Здесь развивался традиционный для финнов хуторской способ землепользования. В 1939 г. в ходе зимней войны перешеек вошел в состав СССР. В годы Великой Отечественной войны финское правительство предприняло попытку вновь ввести его в состав Финляндии. В 1945 г. были определены современные границы. Потсдамская конференция, резолюции которой были приняты всеми странами, признала ее, как и все прочие государственные границы в Европе, незыблемой.

Карельский перешеек имеет сравнительно небольшие размеры. С севера на юг протяженность его 150 – 180 км, с запада на восток – 55 – 110 км. При этом он вместил в себя множество природных и историко-культурных ландшафтов. Полная драматизма социальная история Карельского перешейка хорошо изучена историками [Гоголицын, 1987; Ключевский, 1904 и др.]. Но с экологических позиций она почти не анализировалась. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

К уточнению понятия "экология культуры"

Термин "экология культуры" как охрана культурного наследия введен известным историком культуры и филологом Д.С. Лихачевым [5]. Он писал (с. 167): "Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей среды, называется экология". Определение экологии было дано неправильное. Экология – наука о взаимоотношениях организмов с окружающей средой. Экология – теоретическая основа охраны природы, но отождествлять экологию и охрану природы некорректно. Охрана окружающей среды – прикладной раздел экологии. Несмотря на высокий гуманный пафос работ Лихачева, термин "экология культуры", основанный на неправильном понимании экологической науки, имел негативное значение. Он содействовал инфляции понятия "экология", отрыву его от научных корней.

Другую попытку связать гуманитарные науки с экологией предпринял еще один классик советской науки Л.Н. Гумилев [2]. Развивая теорию В.И. Вернадского о биогенной миграции и ее роли в эволюции биосферы, Гумилев ввел понятие "пассионарность". Под ним ученый понимал массовые мутации в популяции человека разумного, приводящие к повышенной миграционной активности этноса. Именно пассионарным взрывом он объяснял нашествие татаро-монгол на Русь и Западную Европу в XIII в. Современная биологическая наука не подтверждает возможность массовых направленных мутаций, увеличивающих тенденцию к миграции. Этнические процессы, связанные с захватом территорий, имеют чисто экологическое объяснение. В XII – XIII вв. в районе современной Монголии произошел локальный экологический кризис. Основной способ получения ресурсов питания – животноводство исчерпал себя при достижении критической плотности населения. Существенно и то, что биопродуктивность степи упала за счет похолодания. Решений проблем добывания ресурсов было два. Первый путь – интенсивный, переход на другую технологию, в частности, земледелие. За счет того, что прирост растительной биомассы в единицу времени больше, чем жи-

вотной на два порядка, переход к земледелию мог обеспечить прокорм в 10 – 100 раз большего числа людей, чем при животноводстве на той же территории. Второй путь – экстенсивный, связанный с расширением пастбищ и захватом новых земель. Социальные условия содействовали реализации второго варианта. В конечном итоге это привело к массовому перемещению скотоводов на запад. Перемещение сопровождалось захватническими войнами.

На сегодняшний день на повестке стоит новый синтез экологии и истории. Классики исторической науки Д.С. Лихачев и Л.Н. Гумилев лишь поставили вопрос о нем. Современный синтез должен быть основан на понимании двойственной сущности человека как единства социальной и биологической составляющей [Сапунов, 1995].

Всякая культура формируется в определенной природной среде. По мере развития технологии, общество оказывает все возрастающее влияние на окружающую среду. По мере усиления эксплуатации природных объектов экологические связи становятся все более приоритетными [Федоров, 1999]. Экология культуры – это взаимодействие социума, социальной составляющей человеческого общества с окружающей средой. При этом социум сам становится составной частью природы. Современная экология – комплексная наука, использующая методы разных дисциплин, в основном естественных наук. Вместе с тем обширные возможности гуманитарных наук, таких, как история, археология, этнография еще используются экологией не в полной мере. В дальнейшем эти науки могут существенно обогатить экологию. Анализ исторических и археологических сведений о природе древних времен позволяет изучить циклы многих природных явлений, что исключительно важно для объективных экологических прогнозов [Сапунов, 1999].

Режим природопользования и экологические последствия влияния человека на природу в значительной степени определяются национальными традициями. Большинство из этих традиций уходит корнями в глубокое прошлое, в языческий период формирования культуры народа [Никонорова, 2001; Основы экологии, 1998]. Знание этих традиций, которые экология может почерпнуть у истории, позволит предсказать последствия акций, так или иначе связанных с природопользованием.

Основные национальные традиции природопользования

По интенсивности миграций, имевших место в прошлом, народы можно разделить на кочевые, оседлые и частично оседлые. Кочевые народы постоянно меняют место обитания, не имея привязки к конкретному региону. Оседлые живут на одном месте в течение сроков, превышающих время жизни одного-двух поколений. Частичная оседлость означает перемещение населенных пунктов в пределах одного культурно-исторического и географического региона в течение сроков, меньших времени жизни одного поколения.

Практика кочевой жизни существовала на протяжении многих лет у арабских, тюркских и некоторых других народов. У них в древние времена (до приня-

тия монотеистических религий) имела место низкая плотность населения, обеспечивающая возможность непрерывного перемещения, и низкая концентрация фитомассы на единицу площади. Кочевой образ жизни был свойствен народам Средней Азии, Ближнего Востока. В этой среде сформировалось мусульманство как религия, мировоззрение, менталитет и совокупность национальных традиций.

Оседлые народы проживали в Западной Европе, в Китае, Японии. Этим районам земного шара свойственны хорошо освоенные территории с относительно высокой продукцией фитомассы. Плотность населения этих народов высокая. Возможности менять место обитания традиционно были ограничены.

Восточные славяне (в частности, русские) в языческий и, отчасти, в христианский период формировались как народы с частичной оседлостью. Они обитали на больших малонаселенных территориях с относительно высокой биологической продуктивностью. Здесь возникла система подсечного земледелия [Гумилев, 1990; Основы экологии, 1998].

В настоящее время образ жизни большинства жителей планеты качественно отличается от существовавшего несколько столетий назад. Однако традиции землепользования, заложенные в языческие времена, продолжают жить, определяя характер народа. Современные западные европейцы, китайцы характеризуются крайне бережным отношением к природным ресурсам и материальным ценностям, расчетливостью, доходящей до скарденности. Для современных арабов и скотоводческих этносов Средней Азии, наоборот, свойственно расточительное отношение к природе и материальным ценностям. Загрязнение окружающей среды осуществляется ими в неоправданно больших масштабах.

Русские занимают промежуточное положение между двумя крайностями. Им традиционно было свойственно свободное использование природных ресурсов, казавшихся им бесконечными. От природы брали "сколько надобе" [Основы экологии, 1998]. Вместе с тем такое поведение сочеталось с пониманием того, что есть некоторые допустимые пределы изъятия ресурсов. При этом перед жителями древней Руси возникали те же вопросы, что и в современном природоохранном законодательстве – выяснение субъекта, ответственного за рациональное использование природных ресурсов. Сами же ресурсы могут выступать как объект, а не субъект права. В языческих представлениях наших предков эти проблемы юридического и нравственного плана решались путем введения виртуальных субъектов, ответственных за охрану природы. Это был леший как хранитель леса, водяной как хранитель внутренних вод, полевой как владелец поля и т.д. В этих образах смешались фольклорные и религиозные представления с подлинными наблюдениями за редкими и загадочными животными [Леший..., 1996]. Так, считалось, что возможно и необходимо брать у леса древесину, грибы, ягоды, промысловых животных. Однако при этом не следовало брать у леса больше, чем это необходимо для повседневной жизни, ибо это "вызвало бы гнев лешего". Так формировались самые первобытные представления о том, какой способ природопользования является рациональным, какой нет. Культы лешего, водяного, полевого, возможно, были заимствованы

у финно-угорских народов [Ключевский, 1904]. Однако нельзя исключить возможность конвергентного развития языческих культов у разных народов. Эти культы долгое время в форме двоеверия переплетались с христианскими догматами. Само христианство ничего нового не внесло в народные представления об охране природы и рациональном природопользовании. В христианстве, в отличие от язычества, этим вопросам внимания практически не уделяется.

Таким образом, черты национального характера, проявляемые при природопользовании, имеют глубочайшие корни в древних, языческих периодах формирования народов.

Прекрасным объектом и полигоном для изучения взаимодействия культуры с окружающей средой является территория Карельского перешейка современной Ленинградской области. Доминирующая здесь русская культура природопользования оказалась обогащенной двумя дополнительными пластами: финно-угорской и западноевропейской.

Сельскохозяйственные и природопользовательные технологии

Существует три способа получения пищевых ресурсов. Первый – пассивный, основанный на собирательстве, охоте и рыбалке. При этом способе для прокорма одного человека необходимо до 1 км² природы средних широт [Никонорова, 2001, Этнос..., 1999]. При низкой плотности населения он был достаточен, и примитивные народы отнюдь не голодали. Площадь современной Ленинградской области могла прокормить до 80 тыс. человек, Карельский перешеек – до 10 – 12 тыс. Этот предел не превышался до прихода сюда русских поселенцев. Второй – животноводство. Он позволяет прокормить порядка 10 человека с 1 км² пастбища. При большей плотности населения этот способ оказывается недостаточным. В период Средневековья кочевые народы Азии, превысив порог плотности 10 чел./км, были поставлены перед выбором – перейти на более прогрессивную сельскохозяйственную технологию или расширить площадь пастбищ путем захвата новых земель. В "Золотой орде" была выполнена вторая альтернатива. Это привело к агрессивной экспансии кочевников, доходивших даже до северо-запада России. Третий способ – земледелие, способное прокормить 100 – 1000 человек на 1 км² угодий. Именно этот наиболее эффективный способ (хотя не в самой интенсивной модификации) применялся в России. В силу этого рост территории Российской империи происходил без агрессивных войн и отъема ресурсов у местного населения [Ключевский, 1904, Никонорова, 2001; Основы экологии, 1998].

Вариантов земледельческих технологий множество. На Руси до XIX в. применялось относительно малопродуктивное подсечное земледелие. Суть его состояла в следующем. Периодически выжигали участки леса, и удобренную золой почву превращали в пашню. По мере истощения земли – а это происходило через 7 – 8 лет – осуществлялся переезд всей деревни к новой территории, где вновь выжигали леса. Хотя в целом русские землепашцы вели

оседлый образ жизни, степень привязанности их к определенному участку земли была ограниченной. Отсюда – русская традиция полукочевой жизни. Отсюда и тот факт, что русский менталитет предусматривал более бережное отношение к природным ресурсам и материальным ценностям, чем у восточных народов животноводческих традиций, и менее бережное, чем у сугубо оседлых народов. В этом – проявление промежуточности русской культуры между Востоком и Западом [Основы экологии, 1998].

Один из феноменов русской культуры – русская усадьба, становление и развитие которого протекало на протяжении нескольких столетий [Русская усадьба, 1994]. Она представляет собой воплощение в архитектуре лучших черт русского характера и национальной культуры, в других странах подобных архитектурных решений найти нельзя. В Западной Европе центральным элементом освоенной территории был замок. Окруженный стенами и рвами (пусть даже бутафорскими), защищенный зубчатыми башнями, он ограждал их владельцев от внешнего мира, природы, других людей. В России междоусобные феодальные войны закончились на несколько столетий раньше, поэтому идея оборонительных сооружений не доминировала в архитектуре. В строительстве русских усадеб была выражена идеология не отделения человека от окружающей среды, а единения с ней. Традиционная схема усадебного дома сформировалась к концу XVIII в. и восходит к схеме Таврического дворца – резиденции Светлейшего князя Потемкина-Таврического (арх. И. Старов, 1782 г). Центральный корпус в два этажа обычно имел два крыла, заканчивавшихся малыми корпусами – ризолитами. Парадный фасад центрального корпуса оформлял античный портик с балконом (хотя с точки зрения современного русского языка его правильнее назвать террасой). С другой стороны обычно располагалась веранда со спуском к водоему. Сверху здание завершалось надстройкой – мезонином или куполом. Характерные примеры на территории перешейка – дворец графа Левашева "Осиновая роща". Были и отклонения от этой схемы, но чаще она выдерживалась [Русская усадьба, 1994].

Идеология единения человека с природой достигалась следующими способами. Усадебный дом располагался с максимальным учетом особенностей ландшафта, с тем, чтобы рельеф и здание составляли единое целое. Здание обычно строили невысоким – в один-два этажа, чтобы не отрывать обитателей от земли. Большие двери и окна усиливали эффект единства интерьера и окружающей среды. Если в западноевропейском замке граница между помещениями и окружающей средой искусственно подчеркивалась стенами и рвами, то в русской усадьбе, наоборот, эта граница размывалась. Обычно дом окружал регулярный парк французского типа, который переходил в нерегулярный парк английского типа, тот, в свою очередь, – непосредственно в окружающие поля и леса. Отличительной особенностью образа жизни в русских усадьбах была открытость [Русская усадьба, 1994]. Они постоянно посещались гостями, служили центрами общения, развития культуры. Наибольшего расцвета русская усадьба достигла во второй половине XVIII – первой половине XIX

века. К концу XIX столетия великая культура усадеб стала отмирать, а после октябрьского переворота началось планомерное и целенаправленное ее уничтожение. Архитектура и природопользование стали выразителями новой идеологии. Усадьбы-дворцы подчеркивали личностные особенности своего владельца. В советский период их место заняли здания казарменного типа, нивелирующие жильцов, противопоставляющие себя окружающей природе.

В настоящее время система усадеб Ленинградской области, сложившаяся за столетия, практически полностью разрушена. Общее количество сохранившихся комплексов точно не известно. Всего же их было, судя по литературным данным [Гоголицын, Гоголицына, 1987], более пятисот. Относительно сохранившимися можно считать лишь несколько десятков.

Западноевропейская культура землепользования предельно интенсивная и берегающая. Ограниченность ресурсов, распределение земель в Западной Европе не оставляли возможности для кочевой или полукочевой жизни. Природопользование осуществлялось при максимальной нагрузке на землю с предельным сохранением имеющихся ресурсов. Западный ландшафт предельно окультурен, представлен небольшими интенсивно обработанными полями и регулярными парками французского типа [Русская усадьба, 1994]. Архитектурным символом подобной культурной традиции и природопользовательской идеологии можно считать Выборгский замок – единственное подобного рода сооружение на территории Ленинградской области. Сравнительно позднее освоение природы Карельского перешейка (по отношению к другим частям Ленобласти) привело к доминированию на нем не столько традиционных русских усадеб, сколько усадебных и дворцово-парковых комплексов западного типа (Монрепо и др.).

Этнические традиции природопользования на территории Карельского перешейка

Исходное население этих мест – финно-угорское – было представлено племенами чудь, ижора, воть, весь и др. Их названия до сих пор отражены в топонимике многих мест Ленинградской области. Собирательская культура этих племен постепенно обогащалась традициями животноводства. По сей день в Финляндии, где финно-угорские племена сформировали финскую нацию, присутствуют элементы собирательства, развито животноводство и в меньшей степени – земледелие. Финно-угорское хозяйство не является оптимально берегающим природу. Оно предусматривает обилие хуторов и мелких поселков, относительно равномерно распределенных по большой территории. Это обеспечивает эколого-санитарную ухоженность территорий, однако давление на природу при этом оказывается значительным. В результате численность популяций крупных млекопитающих (лоси, олени) в современной Финляндии значительно ниже, чем в Ленинградской области или Карелии при сходных природных условиях [Экология, 1995].

Проникновение русских в эти места шло длительное время. Как складывались их взаимоотношения с финно-угорскими племенами? Ключевский (1904, с. 360) описывал их взаимоотношения так: "Встреча эта имела мирный характер. Ни в письменных памятниках, ни в народных преданиях великорос-

сов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами... Сами колонисты не вызывали туземцев на борьбу. Они принадлежали в большинстве к мирному сельскому населению, уходившему из юго-западной России от тамошних невзгод и искавшему среди лесов Севера не добычи, а безопасных мест для хлебопашества и промыслов. Указания на такой ход и характер русской колонизации можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии. Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а попеременно, чередуясь друг с другом".

Наиболее адекватным и исчерпывающим показателем гармонии национальных отношений служит число межнациональных браков. Таковых на северо-западе России было очень много. Ключевский [с. 363] в этой связи писал: "Надобно допустить некоторое участие финского племени в образовании антропологического типа велокоросса. Наша велокорусская физиономия не совсем точно воспроизводит общеславянские черты. Другие славяне, признавая в ней эти черты, однако, замечают и некоторую стороннюю примесь: именно скулистость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос и особенно типический великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большою вероятностью ставят на счет финского влияния".

Разные экологические ниши русских земледельцев и коренных для перешейка финских собирателей и отчасти животноводов приводили к отсутствию конфликтов на почве соперничества за ресурсы. Таким образом, в основе этнической истории иногда лежат экологические закономерности.

С XVIII в. началось проникновение западных традиций природопользования. Они связаны с эпохой Петра I и Екатерины II. Тогда для работ в окрестностях Петербурга широко привлекались специалисты из Голландии, Германии, Скандинавских стран. В то время в Россию приехало немало садовников, лесоустроителей. Они долго и плодотворно работали в России, подчас обзаводились семьями и оставались на постоянное жительство, мирно вписываясь в русскую жизнь и созидательную работу. В результате этой тенденции XVIII в. началось формирование территорий с европейской застройкой и предельно интенсивным способом ведения хозяйства [Пушкарев, 1842].

За годы советской власти на территории области создалась новая система хозяйствования, восходящая к русским и западным традициям (не всегда лучшим) с политической модификацией, обусловленной спецификой этого исторического периода. Одной из отличительных черт хозяйствования стала предельная нагрузка на природу в одних местах с выведением значительных территорий из сферы производительной деятельности. Интенсивно росли города и поселки на фоне ликвидации хуторов, усадеб, "неперспективных" деревень. Колхозы и совхозы практиковали интенсивные методы земледелия. В то же время погранзоны, полигоны, занимавшие до трети территории Карельского перешейка, взяли на себя функции заповедников, аккумуляторов биомассы и биоразнообразия [Сапунов, 1996].

Распределение трех национальных традиций природопользования – финно-угорской, русской и западно-европейской – хорошо видно на современной карте Ленинградской области. На востоке, где проживают отдельные представители племени вепсов [Проблемы истории..., 1989], сохранились элементы финно-угорского способа хозяйствования. Имеются малочисленные вымирающие деревни, где население широко практикует собирательство, охоту, рыбалку. На юге области – в Лужском районе – поныне сохранены дворянские усадьбы XIX века, осуществлявшие русские традиции природопользования. Обилие их было связано с тем фактом, что природа Лужского района специфична, более близка к природе тех мест, где формировался русский этнос. Элементы западного влияния, полностью преобразующего природную среду, особенно сохранились на Карельском перешейке [Гоголицын, 1987].

Гармоничное развитие природопользования на территории современной области вообще и Карельского перешейка в частности возможно только при учете традиций национальной культуры, учета законов взаимодействия этносов с окружающей средой.

Одним из направлений природопользования может стать эколого-исторический и эколого-этнический туризм. Туристы смогут ознакомиться с традициями разных культур, связанными с взаимоотношением с природой и с механизмом взаимодействий этих традиций. В качестве первого примера такого объекта туристского показа можно назвать созданный в Выборгском районе вблизи поселка Ильичево музей перешейка "Ялкала".

Заключение

Современная экология – комплексная наука, основанная на использовании методов различных дисциплин. До последнего времени среди этих дисциплин гуманитарные почти не фигурировали. На уровне постановки вопроса подобный синтез рассматривался в работах Л.Н. Гумилева, Д.С. Лихачева и небольшого числа их учеников и последователей. Заключение, которое можно сделать на основе изложенного выше материала, будет состоять в том, что будущее развитие экологии должно более полно учитывать методы гуманитарных наук. С одной стороны, окружающая среда оказывает влияние на этнос, существенно формируя его национальный характер и менталитет. С другой стороны, национальный характер в известной степени определяет реализацию природоохранного законодательства. Поэтому любая природоохранная акция может быть эффективна, если она опирается на учет национальных традиций тех людей, которые будут участвовать в данной акции.

Развитие природопользования требует максимального учета лучших традиций, выработанных разными культурами. Это – единение с природой, использование природоохранных технологий, свойственное русской и финно-угорской традиции, максимальная бережливость и использование замкнутых циклов производства и потребления, проповедуемое западноевропейской традицией природопользования.

Одним из направлений природопользования может стать эколого-исторический и эколого-этнический туризм. Карельский перешеек Ленобласти – идеальное место для развития таких форм туризма и проведения теоретических исследований по национальным традициям природопользования.

Выводы

1. Всякая культура формируется в определенной природной среде и особенности этой среды влияют на особенности культуры, в частности, на национальные традиции природопользования.

2. На территории Карельского перешейка современной Ленинградской области наиболее четко присутствуют три разновидности культурных традиций природопользования: русская (доминирующая), финно-угорская и западноевропейская.

3. Взаимоотношения между основными культурами на территории перешейка всегда носили мирный характер, что определялось экологическими особенностями культур – разными режимами природопользования.

4. Эффективное развитие и совершенствование методов рационального природопользования, охраны природной среды и экологической безопасности может иметь место только при учете исторических традиций взаимоотношения с природой всех наций, обитающих на обследуемой территории сейчас и обитавших в прошлом.

Литература

1. Гоголицын Ю.М., Гоголицына Т.М. Памятники архитектуры Ленинградской области. – Л.: Стройиздат, 1987.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Гидрометеоздат, 1990.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. – М.: Синодальная типография, 1904.
4. Леший – физиология, экология, генетика. – СПб.: Ривьера, 1996.
5. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1985.
6. Никонорова Е.В., Тяптырганов М.М. Сохранение биологического разнообразия. На пути к устойчивому развитию. – М.: Экономика и информатика, 2001. 164 с.
7. Основы экологии. – СПб.: Специальная литература, 1998.
8. Проблемы истории и культуры вепсской народности. – Петрозаводск, 1989.
9. Пушкирев И.И. Описание Санкт-Петербургской губернии. – СПб., 1842.
10. Русская усадьба. Сборник общества изучения русской усадьбы. – М.-Рыбинск, 1994.
11. Сапунов В.Б. Зооморфные сюжеты петроглифов Онежского озера // Археологический сборник, ГосЭрмитаж, 1999, 34, с. 30 – 33.
12. Сапунов В.Б. Основные экологические процессы на территории Ленинградской области в XIX – XX вв. // Региональная экология, 1996, 1–2, с. 33–35.
13. Сапунов В.Б. Человек – взаимоотношение социального и биологического. // Гуманитарий, 1995, № 1, с. 50 – 58.
14. Сапунов В.Б., Морозова Г.Д., Морозов С.В. Тихвинская водная система – история и современное состояние. // Изв. РГО, 2002, № 3, с. 28 – 35.
15. Федоров М.М. Проблемные исследования в системе природопользования. – СПб.: изд. СПбГТУ, 1999.
16. Экология наземных позвоночных северо-запада СССР. – Петрозаводск: АН СССР, 1986.
17. Этнос, ландшафт, культура, РАН. – СПб., 1999.